

Андрей Шляхов

Доктор
Вишневская

Клинический случай

Андрей Леонович Шляхов Доктор Вишневская. Клинический случай

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4580259

Доктор Вишневская: Клинический случай / Андрей Шляхов.: Якуза,

Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-60916-1

Аннотация

НОВАЯ книга от автора бестселлера «Клиника С...» – но теперь уже не в жанре «больничного триллера», а в лучших традициях женского медицинского романа!

Знакомьтесь – доктор Вишневская, иммунолог-аллерголог, слегка за тридцать, одинока, независима, остра на язык. Не пытается изображать «Хауса в юбке», но коллеги считают ее классным диагностом – о таких, как она, говорят: «Врач от бога». Давно излечившись от юношеского идеализма, так и не обзавелась иммунитетом к человеческой боли и страданиям. А значит, рано или поздно ей придется бросить вызов «врачам от дьявола», поставив на кон свою профессиональную репутацию, честное имя и женское счастье...

Содержание

Консультация	6
Анна Андреевна Вишневская, доцент	20
Штопаная душа	40
Мораторий	56
Виноградово-Южное	72
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Андрей Шляхов

Доктор Вишневская: Клинический случай

*Хотя не имеет смысла, деревья еще растут.
Их можно увидеть в окне, но лучше издалека.
И воздух почти скандал, ибо так раздут,
что нетрудно принять Боинг за мотылька.
Мы только живем не там, где родились – а так
все остальное на месте и лишено судьбы...*

Иосиф Бродский, «Новая Англия»

Автор настоятельно просит многоуважаемых читателей не заострять внимание на совпадениях, поскольку все совпадения случайны, не искать подтекста, потому что бессмысленно искать того, чего нет, и не быть слишком пристрастными. Доцент Анна Андреевна Вишневская – живой человек, а не светлый образ, созданный неутомимым воображением автора. Приятного чтения!

Консультация

Доцента Конычева убила невысокая, худенькая, очень элегантно одетая женщина средних лет. Подстерегла у лифта, шагнула навстречу и с размаха плеснула в лицо соляной кислотой. Кислотой по живому – это очень больно. Конычев умер на месте, не выдержало сердце. Женщина стояла над ним и жадно наблюдала, прямо-таки впитывала глазами происходящее. Конычев курировал лечение ее мужа. Лечение не помогло, уж больно был запущен процесс, а расплачиваться пришлось Борису Тельмановичу.

«Мстительницу» признали вменяемой и осудили на пять лет. *Minimum minimum*¹ за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего за собой смерть потерпевшего. Пожалели вдову.

Два года прошло, даже два с половиной, самого Конычева, можно сказать, забыли, тем более что покойник был из тех, кто после смерти попадает в категорию *aut nihil*², но на всех незнакомых, подстерегающих, подкарауливающих, ожидающих возле лифта, в коридоре или, например, у входа в институт, Анна реагировала плохо. Шарахалась и, если сумка была при ней, совала руку в сумку за баллончиком со сле-

¹ «Наименьшее», «самое малое» – лат.

² *Aut nihil* – «или ничего» имеется в виду латинское выражение: *De mortuis aut bene, aut nihil* – «О мертвых либо хорошо, либо ничего».

зоточивым газом. Баллончик всегда лежал в отдельном кармашке, чтобы не пришлось долго шарить по всей сумке в его поисках. Всего два предмета удостоились такой высокой чести, вторым был мобильный телефон.

У незнакомки был такой тоскливо-затравленный взгляд, что с ней сразу все стало ясно, еще до того, как та открыла рот.

– Извините, пожалуйста, доктор, это вы консультировали Кузнецова из пятой палаты?

Если не очень хочется повторять все заново, то можно бросить на ходу «Обращайтесь к лечащему врачу» и пойти дальше. Но таких, которые с тоскливым взором, Анне всегда было жаль. Не то чтобы хотелось сострадать, кручиниться или вместе, обнявшись, лить слезы, а просто понимала – плохо человеку. Ну а если человеку плохо, то лучше остановиться и ответить на традиционный набор вопросов, обычно начинающийся с того, какой у пациента диагноз, и заканчивающийся на том, какие у него перспективы. Разумеется, ответить так, чтобы не нажать неприятностей – не разгласить врачебную тайну и не нажать врага в лице лечащего врача. Лечащие врачи очень не любят, когда коллеги-консультанты «распускают хвост» перед пациентами. Правда, с лечащим врачом Кузнецова отношения уже, кажется, испорчены... Короче говоря, вне зависимости от прочих факторов и обстоятельств говорить в такой ситуации надо мало, тщательно фильтруя сказанное, диагноз не озвучивать,

в конкретику не вдаваться, ограничиться общими фразами, непременно сказать что-нибудь ободряющее. Спрашивают ведь главным образом для того, чтобы услышать что-либо ободряющее.

– Да, я консультировала.

– Я жена его... – Собеседница потерявила изрядно растянутую горловину своего лилового свитера («Лиловый – цвет вдовый», – вспомнила Анна расхожую присказку) и добавила: — ...бывшая. Первая.

– Если бывшая, то, извините...

– Вы мне только скажите – рак подтвердился?! – взмолилась собеседница. – Только это – и все! Даже не скажите, а намекните. Мне очень важно знать. Мы расстались совсем недавно...

Бывшая жена Кузнецова чистила так, что слова не вставишь.

– Он встретил другую. Вы такая молодая, вам это может показаться смешным, нет, извините, не то я говорю. Мне просто знать, чтобы помочь, ведь его нынешняя жена даже передачи ему не приносит. Я приносила, но от моих он отказывается...

Ничего страшного, подумала Анна, пусть поголодает. При росте где-то в метр семьдесят, Кузнецов весил не меньше ста, а то и ста десяти килограммов. Скинет за время пребывания в больнице немного жира – только лучше себя чувствовать будет.

– ...он и общаться со мной отказывается, вбил себе в голову, что я хочу унижить его своей заботой, то есть – возвыситься, показать, какая я хорошая, а ведь на самом деле все не так. Двадцать шесть лет из жизни не вычеркнешь...

Анна вскинула запястье выше, чем требовалось, чуть ли не к самым глазам, и посмотрела на часы. Собеседница сразу же умолкла. Две женщины в белых халатах поверх хирургической формы вышли из отделения урологии и свернули к лестнице. Одна из них на ходу мазнула взглядом по Анне.

– Ничего страшного нет, – сказала Анна. – Кажется, это вообще не тот случай, когда стоит расстраиваться. Все будет хорошо.

– Но Дмитрий Григорьевич...

– Извините, я спешу. Все, что относится к Дмитрию Григорьевичу, лучше обсуждать непосредственно с ним.

Лечащий врач Кузнецова Дмитрий Григорьевич был хитрован, мастер раскрутки на пустом месте. Сказать, что Анна таких не любила, означало не сказать ничего. Врач должен диагностировать и лечить («исцелять» – это слишком пафосно, да и не всегда верно), а не придумывать страшные диагнозы для того, чтобы раскрутить пациента на бабло. И не должен втягивать в этот процесс коллег. Анна не любила, когда ее пытались «использовать втемную» и прикладывала максимум усилий для того, чтобы желающим впредь было неповадно.

Поначалу, во время телефонного разговора, Дмитрий

Григорьевич произвел хорошее впечатление – деловитостью, пониманием того, что у доцента кафедры, помимо консультаций на стороне, могут быть и другие дела, а также фразой «Дорожные расходы будут возмещены». Фраза понравилась Анне больше всего. Не хамское «Разумеется – не бесплатно» (Почему «разумеется»? Разные бывают консультации, разные бывают пациенты, разные бывают обстоятельства) и не оскорбительное «Какая у вас такса?» (на это она обычно отвечала: «Это у бл. ей такса, а у меня – гонорар»), а «дорожные расходы будут возмещены». Тонкий намек на важные обстоятельства.

Встретил Дмитрий Григорьевич тоже хорошо, поджентльменски. Дал перевести дух (шутка ли рулить по пробкам через пол-Москвы, с улицы Маршала Бирюзова до Открытого шоссе, нет, надо было все-таки по кольцу ехать), угостил кофе, рассказал анекдот... А то к некоторым в ординаторскую войти не успеешь, как они выходят тебе навстречу и ведут в палату. Ничего особенного, все понятно – работают люди, берегут каждую минутку, но... Ах, сколько же в жизни этих «но», если на каждое внимание обращать, то жить некогда станет.

После ознакомления с историей болезни возникло недоумение, но тут Дмитрий Григорьевич сплеховал – вместо того чтобы дать объяснения в ординаторской, потащил Анну к пациенту, бубня себе под нос на ходу нечто невнятно-бессвязное про иммуносупрессию, иммунорегуляторный

индекс, иммунологический дисбаланс и ПСА³. Наверное, испугался, что Анна посмеется и уйдет, а ему придется «терять лицо» перед пациентом, ведь это пациент просил пригласить на консультацию доцента Вишневскую, нахвалил, значит, кто-то, постарался.

Сам напросился – вместо мелкой, если так можно выразиться, потери лица, потерял его целиком и надолго. Перед всеми четырьмя своими пациентами из пятой палаты. Потому что дурак, аферист, да еще и самонадеянный. У постели больного снова начал бубнить про ПСА и про иммунологический дисбаланс, мешая Анне расспросить пациента. Ну и огреб по полной, как фельдмаршал Паулюс под Сталинградом.

– Простатспецифический антиген, Дмитрий Григорьевич, может повышаться не только при опухолях простаты, но и при воспалительном процессе, при доброкачественной гиперплазии...

Дмитрий Григорьевич, образно выражаясь, «сполз ниже плинтуса». На вопрос о том, почему сразу не была проведена биопсия, он ответил:

– Не хотели лишний раз трогать, вдруг опухолевой процесс.

«Потому что ничего бы такого она не показала», – перевела Анна.

– И как же вы намеревались обойтись без биопсии? – Анна

³ ПСА – простатспецифический антиген.

смерила уничижительным взглядом коренастого, но невысокого Дмитрия Григорьевича.

– Нет, мы собирались, но позднее... – заюлил тот.

На прощанье пациент попытался сунуть Анне в карман халата конвертик.

– Это лишнее. – Анна ловко увернулась, и рука с конвертом зависла в воздухе. – Действительно – лишнее.

– Но вы же работали...

– Вы еще не обследованы настолько, чтобы вас консультировать, – ответила Анна. – Надо сделать биопсию. А там видно будет... Не исключено, что моя консультация вообще не понадобится.

– Тогда возьмите мою визитку, Анна Андреевна...

Взмах рукой, и в ней вместо конверта появляется обильно позолоченная визитная карточка. ЗАО «Бест Технострой групп», генеральный директор.

– ...все виды ремонтно-строительных работ. Что угодно в лучшем виде за очень вменяемую цену.

– Спасибо. – Анна спрятала карточку в карман халата, выданного ей Дмитрием Григорьевичем. – Как соберусь баню строить – позвоню.

Про баню было сказано просто так, из вежливости. Анна никогда не пользовалась подобными контактами. И не потому, что была нерачительна или стеснительна.

Просто не хотела становиться кому-то обязанной. Тем более что, если верить коллегам, половина пациентов (если не

все семьдесят пять процентов) «не узнают» и «не припоминают» врачей, к которым когда-то по собственному почину набивались с услугами. Напрасное унижение второе хуже ненапрасного, утверждает заведующая учебной частью кафедры доцент Хрулева.

– Зря вы от денег отказались, – «посочувствовал» в коридоре Дмитрий Григорьевич.

«Сочувствие» оказалось последней каплей. В ординаторской, где теперь сидели и торопливо, если не стремительно, писали дневники два врача, Дмитрий Григорьевич получил выволочку. Анна поинтересовалась, на что он надеется и чего он добивается, «притягивая» (причем – неумело) онкологию там, где ее нет? Хочет ли он удалить более-менее здоровую предстательную железу и заработать на этом, или же намерен передать пациента какому-нибудь шарлатану от онкологии для «лечения» и последующего чудесного «исцеления»? И зачем, пусть даже и с подачи пациента, надо было звать ее на совершенно бессмысленную консультацию?

И все это было сказано в ее манере – спокойным ледяным голосом плюс взгляд в глаза. Коллеги Дмитрия Григорьевича, с которыми он Анну не успел (да и навряд ли пожелал бы) познакомить, бросили строчить дневники и с интересом наблюдали бесплатное шоу.

– Вам же хотели заплатить! – укорил побагровевший Дмитрий Григорьевич.

– Вы путаете меня с клоуном. Это клоунам платят за то,

что они развлекают публику, а я кон-суль-ти-ру-ю. Вы вообще улавливаете разницу?

Один из урологов, носатый брюнет, чьи курчавые волосы так и выбивались из-под колпака, незаметно для остальных показал Анне опущенный книзу большой палец правой руки и подмигнул – добивай, не жалей!

Вякнул бы еще что-нибудь – точно бы добила, но Дмитрий Григорьевич ничего не ответил. Молча принял у Анны халат (вместе с кузнецовской визитной карточкой) и так же молча поспешил закрыть дверь, которую Анна, оставила открытой. Если тебя одолевает искушение громко хлопнуть дверью на прощанье, то двери лучше совсем не касаться. А то вдруг...

Обычно ходьба успокаивала, особенно – быстрая. Сегодня же с каждым шагом ярость вскипала все сильнее. «Ну что за люди!» – восклицала в подобных ситуациях покойная мать, вздымая руки кверху. Потом замирала на секунду с поднятыми руками, словно ожидая ответа с неба на свой вопрос. Так и не дождавшись, резко опускала руки и заключала: «Бессовестные». В отличие от матери Анна не злоупотребляла таким понятием, как «совесть». Даже больше – могла заявить (и не раз заявляла) прилюдно, что к болезни под названием «совесть» у нее иммунитет. Подобное заявление часто помогает расставить точки над *i*. По многим вопросам, начиная с того, кто возьмет сегодня группу «тэушников»⁴, про кото-

⁴ «Тэушник» – от аббревиатуры ТУ – врач лечебной специальности, проходящий тематическое усовершенствование на кафедре. «Оушник» – от ОУ – врач

рую почему-то забыла заведующая учебной частью кафедры, и заканчивая тем, кому выпадет «честь» (точнее – кто не сможет отбазариться от такой «чести») вычитывать очередную монографию заведующего кафедрой. С учетом того, что книги для шефа большей частью пишет несколько человек, благородно не претендующих на авторство, там в одних несостыковках можно утонуть, не говоря уже о прочих ляпах.

Но совесть совестью, а какие-то понятия о порядочности надо же иметь! Напугать пациента, что называется, «до усрачки» и вытрясти из него все деньги до последней копейки (или, как вариант, сколько получится) – это уже ни в какие человеческие рамки не укладывается. А в профессиональные – тем более! Уважающий себя врач до такого не опустится.

Сама Анна тоже хороша – надо было попросить выслать ей информацию по пациенту или хотя бы поподробнее расспросить Дмитрия Григорьевича. Это проклятая тактичность всему виной – как же, разве можно обижать коллег, задавая им элементарные вопросы? Оказывается, что не только можно, но и нужно! Все, решено – отныне и впредь она сначала дотошно выяснит, что, как, зачем и почему, и только после этого поедет консультировать. Это не из отделения в

«профильной» специальности, проходящий на кафедре общее усовершенствование. «Сзушник» – от СУ – врач «профильной» специальности, проходящий на кафедре сертификационное усовершенствование, иначе еще называемое повышением квалификации, которое врачи должны проходить раз в пять лет.

отделение выйти, это по всей Москве мотаться, а иной раз и по Подмоскovie! Хотя, что греха таить, это приятно. Приятно, что тебя уважают, ценят, приглашают на консультации, прислушиваются к твоему мнению. Можно считать, что с профессиональной точки зрения в жизни пока все идет более-менее нормально. Еще бы с докторской к тридцати пяти успеть... А чего бы не успеть?

Мысли о диссертации действовали успокаивающе, но сразу же по выходе за больничные ворота, Анну ждал неприятный сюрприз. Какой-то кретин (впрочем, не исключено, что это была кретинка) запарковал свой красный «Рено Logan» вплотную к переду графитовой «шестерки» Анны. На вопрос о марке ее автомобиля, Анна небрежно отвечала «шестерка», не уточняя, что «шестерка» эта «маздовская», а не «вазовская».

Серия энергичных пинков по колесам вкупе с не менее энергичными толчками корпуса «Логана» не включили сигнализацию. Выругавшись в пространство, Анна оценила расстояние между ее машиной и стоявшей сзади «Волгой», после чего села за руль и начала елозить туда-сюда, пытаясь вырваться из плена. Елозила долго, филигранно и, в конце концов, выехала на дорогу, никому ничего не оторвав и не поцарапав, в том числе и своей машинке. Хотя поцарапать хотелось, и не только поцарапать, но и проткнуть. Если бы в бардачке у Анны лежало шило, или, на крайняк, толстый гвоздь (желательно – ржавый, так приятнее), то красному

«Рено» определенно бы не поздоровилось. Но, увы или к счастью, ни шила, ни гвоздя в бардачке не было. Лежали там запасные очки в твердом, надежном очечнике, лежали «зимние» замшевые перчатки, забытые с зимы и прижившиеся, лежали несколько одноразовых стаканчиков (прямо из бутылок Анна пить не любила), и открывалка. Если постараться, то можно поцарапать машину и открывалкой, благо та была частично металлической, но долго придется возиться и удовольствия никакого. То ли дело – шило. Им за какие-то секунды можно написать на капоте «паркуйся вдумчиво» или еще что-нибудь такое же, поучительное и назидательное.

Анна не успела переключиться на третью передачу, как в сумке пискнул телефон, кто-то прислал сообщение. Пришлось останавливаться и лезть в сумку, так быстрее, чем одной рукой извлекать мобильник, а другой держать руль, да и безопаснее.

«Великий Ерофеев писал: «Мне не нужна стена, на которую я мог бы опереться. У меня есть своя опора, и я силен. Но дайте мне забор, о который я мог бы почесать свою усталую спину»».

– Козел! – вслух выругалась Анна. – Романтик недоделанный!

А что еще можно сказать о человеке, который вот уже второй месяц после окончания нудноватого, вялотекущего, изначально обреченного романа, шлет тебе тупые, псевдоромантические сообщения? «Дайте мне забор, о который я мог

бы почесать свою усталую спину», как бы не так! Дайте мне жилетку, в которую я смогу рыдать ежедневно, – вот так будет больше похоже на правду. Вокруг столько женщин, которые только и мечтают о том, чтобы кого-то выслушать, утешить, приголубить, приободрить, понять, простить, наконец. Какой смысл пытаться возобновить отношения с «черствой бездушной женщиной», которую при расставании обозвал Снежной Королевой. И совсем не на красоту намекал дружок-пирожок (Снежная Королева, кажется была красивой), а на холодность и бесчувствие... А теперь надоедает дурацкими сообщениями. Звонить – не звонит, потому что знает, куда ему сразу же посоветуют отправиться. Конечно, можно было бы внести номер дружка-пирожка в черный список, но это бы означало признаться самой себе в том, что он ее достал, вынудил обороняться. Много чести будет. А цитатка, кстати, хорошая, незаезженная. Надо запомнить и как-нибудь вставить к месту на кафедральном собрании. «Аркадий Вениаминович, дайте мне забор, о который я могла бы почесать свою усталую спину!». Или нет, Вениаминыч еще поймет превратно, ну его, старого ловеласа... Не стоит будить лихо, пока оно тихо, не надо вносить лишней напряженности в отношения. Знаем мы этих спокойных уравновешенных дядечек с сединой в бороде.

Как бес им в ребро вступит, только держись. Профессор Плужинецкий, декан педиатрического факультета и заведующий кафедрой педиатрии домогался взаимности у одной из

своих лаборанток больше года. Лаборантка попалась уперто-принципиальная, домогательства отвергала, а на другую кафедру перевестись не догадывалась. А, может, и не хотела, может – наслаждалась ситуацией. Сцены, говорят, Плужинецкий устраивал такие бурные, куда там Шекспиру! Причем прилюдно, где застанет, там и устроит. Больше года, да, потом пыл начал иссякать. Что самое интересное – так и работают вместе, на одной кафедре, лаборантка уже защититься успела. Правильный мужик Плужинецкий, уважает его за то, что не стал опускаться до мелкой мести. Хотя, не исключено, что он еще надеется. Перешел, так сказать, от любовных атак к долговременной осаде...

Убирать телефон обратно в сумку Анна не стала – положила (точнее – почти швырнула) на переднее пассажирское сиденье. Ехать далеко и долго, пусть лучше лежит под рукой, на всякий случай.

Анна Андреевна Вишневская, доцент

– Здравствуйте! Вставать не обязательно, мы не в школе. Меня зовут Анна Андреевна Вишневская, я доцент кафедры...

Первый день недели, первый день месяца, первый день учебного года, первый день сертификационного цикла по клинической иммунологии и аллергологии... Сколько всего первого. Может, начать новую жизнь? Пробежки по утрам, независимо от погоды и настроения, вечером – полтора часа в бассейне, кофе – не больше трех чашек в день, один выходной в неделю целиком посвящать работе над диссертацией, обзавестись... Какой устрашающе длинный список получился...

– Давайте знакомиться. Абаргина... Гарибян... Евдокимов... Жигалов... Задворная... Коровин...

По рассадке в кабинете можно сразу и практически безошибочно судить о том, кто намерен заниматься, а кто – отбывать время. Первые два ряда парт занимаются сознательными, задний – не вполне сознательными. Ах уж эти «не вполне сознательные»! Они еще не поняли, в чьи руки они попали. Они еще не знают, что такое доцент Вишневская, и рассказать им еще никто не успел.

– Маниш... Мирзоева... Набойкин... Савченков... Хомутова... Шрамко... Сейчас я раздам вам вопросы. Тест несложный, для студентов пятых курсов...

Большинство курсантов воспринимают сертификационные циклы как приятную смену обстановки, что-то вроде оплачиваемого отпуска, возможность отдохнуть от работы и «послушать, что там нового расскажут». «Послушать» – это, пожалуйста, в оперу. Там слушают, а здесь учатся.

Когда-то она пыталась увлечь, убедить, пробудить... Черта с два! Нет, половина курсантов реально учится. Проблема в том, как мотивировать к учебе вторую половину? Взрослых людей так тяжело растормошить... А некоторые считают, что тормозить незачем. Чем меньше вопросов, тем меньше устаешь. Прийти, от-бубнить положенное, поболтать немного «за жизнь» и уйти. Зачем тогда все это? Ради ритуала? Месяц блаженства, свежий сертификат в зубы и досвидос? Нет, учиться – так учиться.

Практика показала, что хорошо работает только единственный вариант – шоковая терапия. Дать студенческий тест и хорошенько проехаться по ошибкам во время разбора ответов. Сформировать установку, что быть незнающим стыдно. Если регулярно подливать масла в огонь, то огонь будет гореть до окончания цикла. Или, на худой конец, угли будут тлеть.

Пока курсанты отвечали на вопросы, Анна еще раз прошла глазами по списку, запоминая, кто где работает. На

ответы полагалось пять минут. Тест небольшой, всего двадцать вопросов.

Жигалов, высокий прилизанный блондин, аллерголог клинико-диагностического центра при сто семидесятой больнице, закончил первым. Встал, подошел к преподавательскому столу, положил листы и, не говоря ни слова, направился к двери.

– Мы еще не закончили, Геннадий Валерьевич.

– Я покурить, – обернулся Жигалов. – Пока время...

– Вернитесь, пожалуйста, на свое место. Время уже вышло, сейчас начнется самое интересное – оценка результатов...

«Знаю я ваше интересное», было написано на физиономии обломавшегося в надежде на перекур Жигалова. С него-то Анна и начала. Посмотрела ответы, подняла брови, округлила глаза, сокрушенно покачала головой и сказала, нет, не сказала, а выдохнула:

– Ужас!

Следующий тест.

– Еще хуже!

Третий...

– Без комментариев!

Четвертый...

– Хуже быть не может. Марина Васильевна вы не дали ни одного правильного ответа!

– Не может быть! – полная рыхлая Задворная возмущен-

но заколыхалась. – Как это я, иммунолог с двадцатилетним стажем, могу неправильно ответить на такие простые вопросы? Проверьте еще раз, пожалуйста!

Вопросы только казались простыми, а на самом деле... На самом деле Анна долго корпела над ними, добиваясь нужного результата. К каждому вопросу прилагалось четыре варианта ответов, из которых правильным был только один. А три остальных были очень на него похожи... Составив новый тест (менялись они регулярно, каждые полгода), Анна подсовывала их коллегам на апробацию. Даже ассистент Маркузин, зануда и эрудит, засыпался на двух-трех вопросах.

– Никак не привыкну к твоим подлянкам, – разводил он руками, когда Анна указывала ему на ошибки. – Жениться на тебе, что ли?

– Зачем? – традиционно удивлялась Анна. – Я же тебе, Паша, жизнь испорчу.

Маркузину за его доброту и порядочность, выражавшуюся в полном отсутствии склонности к интригам, прощалось многое – и фривольные шуточки, и «что ли» в сочетании с «жениться на тебе», и любовь к чесноку. Парадоксально, но иммунолог Маркузин, ассистент кафедры, кандидат медицинских наук и «потенциальный Нобелевский лауреат», как иногда дразнилась Анна, верил в то, что чеснок это не только многолетнее травянистое растение семейства луковых, но и лекарство почти от всех болезней, можно сказать – панацея. Дискутировать с Маркузиным на эту тему было очень

опасно, потому что дискуссия могла растянуться надолго и бессмысленно, потому что переубедить Маркузину не удалось никому, в том числе и заведующему кафедрой профессору Белкину. Грозный шеф однажды, услышав очередной панегирик чесноку, расвирепел и пригрозил Маркузину увольнением за несоответствие занимаемой должности.

– Только после аттестации, Аркадий Вениаминович, – смущенно, в своем стиле, улыбнулся Маркузин. – И учтите, что я не курсантам про чеснок рассказываю, а коллегам. В частном порядке, а не в рамках служебных обязанностей...

Закончив просмотр ответов, Анна вернула их курсантам, а сама написала на доске правильные варианты, выждала минуту и поинтересовалась:

– У кого-то есть вопросы?

– Тест несуразный, – сказал Жигалов. – Запутанный.

– А вы бы хотели перечислить типы псевдоаллергических реакций или рассказать нам патогенез атопического дерматита? – Анна понимающе улыбнулась. – Или же вы хотите напомнить нам диагностические критерии ревматоидного артрита?

– Почему бы и нет? – Жигалов пошел в атаку. – В моей работе диагностические критерии ревматоидного артрита нужны каждый день, а вот...

– Я вас поняла, Геннадий Валерьевич, – кивнула Анна. – Диагностические критерии ревматоидного артрита – это настоящее, это для работы нужно. А хелперами «тэ-семна-

дцать» голову можно не забивать, верно? Верно?

– Голову надо забивать тем, что нужно для работы, Анна Андреевна. – Жигалов пер напролом. – Разве не так?

– Ну, скажем, для охранника, который дежурит в одном и том же месте по раз и навсегда установленному регламенту, это утверждение верно. Но для вас, врача, ежедневно принимающего новых пациентов, лишних профессиональных знаний быть не должно! Разве вы можете знать, кто и с чем явится к вам завтра?

Нагловато-самодовольная маска сползла с лица Жигалова. Молодец, уже сообразил, что его выбрали в мальчишки для битья, точнее – для показательной порки.

– Ах, кажется, я догадываюсь... Все, что выходит за рамки знакомых вам диагностических критериев вы отправляете на консультацию... – Анна сделала вид, что призадумалась, – ...небось прямо в институт иммунологии? Или же у вас несколько любимых мест, в которые вы направляете по очереди, чтобы никто не сказал бы: «Что-то от доктора Жигалова прямо косяком идут пациенты! Такое впечатление, что он совсем работать не хочет или не может». Я угадала?

Жигалов покачал головой.

– Значит, всех в одно место. – Анна перевела взгляд на Задворную. – Марина Васильевна, вы уже успели убедиться, что на самом деле ни на один вопрос не дали правильного ответа?

– Успела, – буркнула Задворная.

– Тест оказался слишком сложным для вас? Какой у вас стаж, можно полюбопытствовать?

– С восемьдесят седьмого года работаю...

«Старая гвардия», как и Жигалов. Первого сентября одна тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года Анна пошла в пятый класс. Голова кружилась от сознания собственной взрослости, как же, уже совсем большая девочка – учится в «большой» школе, а не в «началке». День запомнился на всю жизнь. Во-первых, благодаря огромным белым бантам, с которыми утром долго возилась мама. Ни у кого в школе не было таких красивых бантов! Во-вторых, из-за неприятного происшествия с главным хулиганом класса Сережкой Приходько. Во время линейки он протянул свою никогда не знавшую мыла (такое, во всяком случае, создавалось впечатление) руку к левому банту и тут же получил портфелем по голове. А в портфеле том были учебники за прошлый год, которые Анна не успела сдать в библиотеку перед началом каникул, потому что болела ангиной. В июне, после растянувшегося на три недели выздоровления, она дважды приходила в школу, но заведующую библиотекой так и не застала. Формально та считалась на работе, но на самом деле уже отдыхала от трудов праведных, появляясь в школе раз в неделю. И верно – кому летом нужна школьная библиотека?

Хулиган Приходько закатил глаза и рухнул на асфальт, не перенеся удара портфелем, просто битком набитом знани-

ями. Знания и головы хулиганов вещь несовместимая. Линейка была сорвана – новая, еще никому не знакомая, классная руководительница вместе с учителем физкультуры оттащили Приходько в тень и начали реанимировать – классная побрызгала на него водой из принесенного кем-то стакана, а физрук дал пару звонких оплеух. Странно – но эти совершенно безграмотные мероприятия завершились успехом. Приходько открыл глаза и, к радости всех школьников, наблевал на польские джинсы физрука. Физрука в школе не любили за истеричный и мстительный характер. Мстительность сказалась и на этот раз – еще не успев толком отряхнуть штаны, физрук вызвал «Скорую помощь» и Сережку увезли в больницу. Все ученики были уверены, что это месть за испачканные, если не испорченные, джинсы. Что может быть страшнее уколов, которые в больницах делают по несколько раз в день?

Избавившись от Сережки (и явно облегченно вздохнув) педагоги обрушились на Анну. «Как не стыдно!». «А еще девочка!». «За такое вообще-то и исключить можно!». «Ты же могла его убить!». В общем – стандартный набор глупостей. Почему должно быть стыдно, если Сережка начал первый? А что – девочка не имеет права дать сдачи? Так и половину школы исключить недолго – все портфелями дерутся, кроме десятиклассников, у которых с прошлого года вдруг стало модным ходить в школу с тонкими папочками. Убить Сережку Приходько? Многие, знаете ли, пытались, ни у ко-

го не получилось. Но самую большую глупость ляпнула новая классная Жанна Артуровна. «Мальчик же может теперь лишиться умственных способностей», – сказала она и никак не могла понять, почему в ответ рассмеялись не только дети, но и кое-кто из преподавателей «началки». Умственные способности у Сережки Приходько? Да легче снег в пустыне Сахара найти!

По окончании восьмого класса, навсегда прощаясь со школой, Приходько признался Анне в любви, причем сказал, что любит ее с того самого злополучного дня, когда столь неудачно покусился на банты. Анна предложила выбить любовь тем же способом, вспомнив поговорку «клин клином вышибают». Сережка как-то по-взрослому вздохнул и ушел.

– У самого Воробьева начинала! – с гордостью добавила Задворная. – На кафедре.

– А сейчас работаете в Матусеевской ЦРБ, – не заглядывая в «шпаргалку» сказала Анна.

– Да, в Матусеевском районе Свердловской области! И очень довольна. Полторы ставки, надбавки, премия ежемесячно, благоустроенное жилье...

– И как же вы работаете, с такими-то знаниями? Не ответить ни на один вопрос из двадцати – это же суперрезультат!

– Знаете что! – Задворная насупилась и заколыхалась пуще прежнего. – Не для того я сюда приехала, чтобы выслушивать оскорбления! У меня вся трудовая книжка в благодарностях, вот как! Мне к юбилею губернаторскую грамоту

обещали дать! Меня весь район знает! Я приехала повышать квалификацию – так повышайте, нечего ерничать!

На доцента Вишневскую заведующему кафедрой курсанты жаловались часто. Смысл всех жалоб сводился к одному – грубиянка, унижает, придирается. Аркадий Вениаминович в подробности не вникал, считая «все эти мелкие дрызги» слишком малозначительными для своей персоны. Просил изложить в письменном виде, угощал чаем и прятал заявление в стол. Жалобщики уходили довольными. Логика их была проста – письменная жалоба непременно повлечет за собой неприятные для доцента-задаваки последствия. Так и уезжали с затаенной радостью во взоре. Знали бы они, что шеф подшивает заявления в красную папку с надписью «Вишневская» на корешке, не давая им никакого хода, ну, разве что иногда, под настроение, мог в шутку пообещать «прихлопнуть как муху вашим же собственным компроматом».

– Хорошо, – не стала спорить Анна. – Будем повышать. Я так понимаю, что прописные истины вам напоминать нет необходимости, можно сразу переходить к сути. Давайте поговорим о том, как влияет у больных бронхиальной астмой смешанного типа стандартная патогенетическая терапия на сывороточный уровень растворимых антигенов...

Поговорили хорошо, качественно. Заодно и определили троих аутсайдеров – Задворную, Абаргину и Шрамко, которые не только не принимали участия в обсуждении, но и во-

обще с трудом понимали, о чем идет речь. Тактика Анны была простой – задать вопрос и, если ответа не последовало, переадресовать вопрос кому-то другому. Все познается в сравнении, если ты не знаешь того, что знают твои коллеги, то выводы напрашиваются сами собой.

В двенадцать часов Анна объявила перерыв.

Посидела немного в кабинете, втайне надеясь, что три «грации» – аутсайдеры подойдут и хотя бы спросят с глазу на глаз, что она порекомендует им почитать для умственного развития. Зря потратила время – «грациям» (все они объемами были под стать друг другу) было не до умственного развития, небось стоят сейчас на лестничной площадке, дымят прямо под грозной табличкой «не курить» и сетуют на то, какие сволочные попадают преподавательницы. Ничего, зато будет что вспомнить, о чем рассказать дома.

В ассистентской старший лаборант Долгуновская изливала душу ассистенту Кую киной. Дамы сидели за своими столами, обложившись папками на случай срочной имитации деятельности, если вдруг войдет шеф. И говорили не очень громко, во всяком случае так, что в коридоре их слышно не было. Анна села на диван, откинулась на спинку, запрокинула голову, прикрыла глаза и попробовала расслабиться. Под чей-то пустопорожний треп расслабляться у нее получалось прекрасно.

Долгуновская – вечная искательница приключений на свою кругленькую попку. То с каким-то бандитом роман за-

крутит, и он ее бешено, до синяков, ревнует, то с девятнадцатилетним студентом свяжется (потом от его матери все никак отвязаться не могла), то влюбится в испанца и соберется эмигрировать, но испанец не оправдает возложенных на него надежд... Насыщеннейшая сверх всякой меры личная жизнь, прямо хоть сериал снимай.

– ...хватилась – нет кошелька. Перепугалась, а потом вспомнила, что на работе его забыла. Борисовна две тысячи займы попросила, я кошелек из сумки достала и убрала на автопилоте в карман халата. А когда Юрка за мной приехал, заторопилась на радостях, халат в шкаф, ветровку с сумкой в руки, да так и убежала.

– Хорошо, что не свистнули. – Куюкина, флегматичная мать-одиночка, во всем старалась искать хорошее.

– А если бы и свистнули, – Долгуновская скривилась, наморщив свой вздернутый кверху носик. – Там всего ничего денег было, две пятисотенные и мелкими рублей триста. Да что деньги, Рит, когда у меня – трагедия. Я ему говорю: «Юра, я деньги на работе оставила, дай мне на маршрутку и метро». Он дает мне четыре пятирублевые монеты и говорит: «Я тебя до метро подброшу». Представляешь?

– Все правильно, Маш. Двадцать рублей, а на метро билет девятнадцать стоит.

– Рит, ты чего?! – Долгуновская возмущенно покрутила у виска указательным пальцем. – Четыре пятирублевые монеты! Ровно на билет! Нормальный мужик дал бы хотя бы

стольник! Нет – нормальный дал бы пятьсот! Может, мне сигареты купить надо или булочку захочется схомячить. А тут – ровно столько, сколько надо. Ненавижу такое жлобство!

– Может, у него тоже денег не было, Маш.

– Были! Сама видела! – Долгуновская снова подняла правую руку и развела сантиметра на три указательный палец с большим. – Вот такая пачкенция тысячных купюр! А любимой женщине – двадцать рублей монетками!

– Что просила – то и получила, – прокомментировала Анна, не открывая глаз. – Надо четко формулировать. Хочешь тысячу – так и говори.

– Да не хотела я никакой тысячи! – взвилась Долгуновская. – Хотела стрелкнуть денег на проезд, а заодно узнала истинную сущность человека!

– У мужиков одна сущность, – вздохнула Куюкина. – Все они эгоисты.

– Все мы в какой-то мере эгоисты, но пределы должны же быть... Я ему подарила та-а-акую ночь, – Долгуновская зажмурилась. Покачалась на стуле и поцокала языком. – А он, скотина бесстыжая, монетки мне...

– Значит, надо было за секс заплатить, – по-прежнему не раскрывая глаз и не меняя позы, сказала Анна. – Ты, Мария Максимовна, новых эвфемизмов не изобретай, пользуйся классическим: «на булавки». Если мужчина интеллигентный, то должен понять!

– Эх вы! А еще считается, что медики – сострадательный

народ. Я вам душу открыла, а вы мне туда...

– Плюнули? – предположила Анна.

Дразнить Долгуновскую было очень приятно и весело. Она обычно не лезла за словом в карман и никогда не обижалась. Но сегодня Мария Максимовна, кажется, была не в ударе.

– Хуже! – нахмурилась Долгуновская. – Только из вежливости уточнять не буду.

– Маш, а что с Юрой? – поинтересовалась Куюкина.

– Если хотя бы половина моих пожеланий сбылась, то он, я надеюсь, просит сейчас подаяние на Курском вокзале!

– Какая ты жестокая! – укоризненно ахнула Куюкина.

– Как наждачка, – добавила Анна.

– Мы расстались! Я швырнула ему в лицо его жалкие пятирублевки и ушла!

– Без денег!

– Да, Рит, без денег! До метро шла пешком, потому и опоздала.

– А в метро?

– Да что там трудного в метро бесплатно пройти? – Долгуновская игриво повела плечами. – Посмотрела в глаза сержанту, улыбнулась во все тридцать два зуба и прямо на его глазах через турникет и перепрыгнула. Отошла, обернулась, а он так все и стоял под впечатлением. А Юрка, подонок, уже три раза звонил. Пусть звонит...

Дверь с громким стуком распахнулась.

– Вот вы где, Анна Андреевна! – обрадовался запыхавшийся ассистент Виньков. – Вас срочно хочет видеть Аркадий Вениаминович! Он, кажется, не в духе.

Виньков был недалек и честолюбив – оптимальное сочетание качеств для добровольного помощника руководителя. Ролью Мальчика На Побегушках и Главного Подхалима Виньков не ограничивался – как можно так мелко плавать? Он был – Незаменимым и Единственным. Встречал и провожал не только шефа, но и его супругу, присматривал за реконструкцией дачи (из скромного двухэтажного особняка в помпезные хоромы в псевдогреческом стиле), организовывал квартирный ремонт, возил шефа когда тот не хотел или не мог садиться за руль... Разве что только не спал с ним, но вся кафедра твердо была уверена в том, что если только Аркадий Вениаминович пожелает сменить ориентацию, то с виньковской стороны отказа он не встретит. Только полное понимание и горячее одобрение.

Взаимообразно Виньков имел покровительство шефа – публикации, приятные командировки, «созревающую потихоньку», как он сам выражался, докторскую диссертацию, льготный график (а как же все успеть-то?) и разные прочие поблажки. Коллеги относились к Винькову с иронией, но без симпатии.

– Иду!

Анна позволила себе только контрольный взгляд в зеркало. «Он, кажется, не в духе» на языке Винькова означало

нечто среднее между «рвет и мечет» и «готов всех поубивать». Насчет причины можно было не утруждаться догадками – Задворная нажаловалась, других вариантов нет, потому что просто быть не может. Интересно, что она наговорила шефу, что он пришел в ярость. Хотя могло ведь просто одно наложиться на другое. С утра, например, обострился геморрой, потом подскочило давление, а тут еще и на доцента Вишневскую снова жалуются. Как не прийти в ярость? Ладно, придется потерпеть, Аркадий Вениаминович свиреп, да отходчив. Пометает свои громы и молнии минут десять, а там и остынет, чаем угостит, глядишь, что-то интересное расскажет или даже, предложит... А не предложит – самой намекнуть можно, чтобы не упускать подходящий момент. Всласть наоравшись, отведав душеньку, шеф начинает чувствовать себя неловко. Интеллигентный человек, заведующий кафедрой, доктор наук, профессор и член-корреспондент, а снова позволил себе такое буйство. В этот момент он покладист и сговорчив. К тому же, дав обещание, Аркадий Вениаминович, может потянуть с его выполнением, но назад его никогда и ни за что не возьмет. Мужик сказал – мужик сделал.

Аркадий Вениаминович был красен лицом, а еще он раздувал щеки и слегка подрагивал левым глазом. «Что она ему наболтала?» – подумала Анна, садясь за стол для совещаний подальше от шефа. Мера предосторожности – в гневе Аркадий Вениаминович брызгал слюной, иногда прямо фонтани-

ровал ею.

– Умеешь ты удивить, Анна Андреевна, да еще как умеешь...

Разгон брался медленно, с тихого обычного голоса. Громкость и гнев нарастали постепенно. И, конечно же, неотвратимо.

– Мне недавно звонил главврач сто пятьдесят четвертой больницы, как его там... Вячеслав Владимирович, что ли?

– Я с ним не знакома.

Про консультацию недельной давности Анна уже почти забыла и потому искренне удивилась тому, какое отношение к ней может иметь главврач сто пятьдесят четвертой.

– Ты у них там консультировала в урологии в прошлый понедельник?

– Консультировала, – подтвердила Анна. – Там был не совсем обычный случай.

– Еще бы! – хмыкнул Аркадий Вениаминович. – Совсем необычный! Жалоба в министерство, судебный иск и шум на всю Москву!

– Поделом, – улыбнулась Анна.

– Поделом? – кустистые седые брови шефа поползли вверх.

– Поделом, поделом. Дмитрий Григорьевич – настоящий гад, и если на него подали в суд, то я здесь ни при чем...

– Какой Дмитрий Григорьевич? Что ты несешь? Жалобу написали на тебя и судиться тоже собираются с тобой!

– Со мной?!

– Ну не со мной же! Я за всю свою жизнь ни одной врачебной тайны не разгласил!

– Я, кажется, тоже...

– Это только кажется! Как ты...

– Аркадий Вениаминович! – Анна прижала обе руки к груди. – Объясните сначала, за что ругаете, а потом уж ругайте сколько захочется. Какая тайна? Кому?

Аркадий Вениаминович шумно выдохнул воздух, ослабил узел на галстукe и, не удовлетворившись этим, расстегнул халат, ослепительный в своей белоснежности, но уже успевший промокнуть под мышками.

– Ты разгласила информацию о состоянии пациента какой-то посторонней гражданке. Есть две свидетельницы – старшая сестра из урологии и сестра-хозяйка, тоже из урологии. Пациент, которого ты консультировала, написал жалобу на тебя в министерство, оцени, насколько грамотно...

Анна оценила. Грамотно, да. В департамент здравоохранения писать не стал, потому что она работает на кафедре университета, который подчиняется министерству. Не иначе как Дмитрий Григорьевич посоветовал.

– ...и намерен подать против тебя иск! Или в прокуратуру заявление написать, он как-то так обтекаемо выразился, все больше на слово «суд» напирал...

– Посторонней гражданке? Два свидетеля? Иск? Заявление в прокуратуру? Да, на выходе из отделения меня оста-

новила бывшая жена пациента и поинтересовалась, есть ли у него онкология? Я ответила, что расстраиваться не стоит, и переадресовала ее к лечащему врачу Ни диагноза, ни информации о состоянии, ни каких-то других сведений, составляющих врачебную тайну, я не сообщала. А что касается свидетельниц, то – да, проходили мимо две какие-то тетki, но разговора нашего они слышать не могли.

– Но разговор все-таки имел место?

– Имел. Аркадий Вениаминович, а с какой это радости вам стал звонить их главный врач? Просто предупредить хотел, заботу проявил? Или что-то другое...

– Предупредить, высказать свое неодобрение твоим поступком и намекнуть, что лучше бы до крайностей не доводить, попробовать замять этот скандал.

– Ему-то какая печаль?

– Ну, никакому же руководителю не хочется даже боком быть замешанным в скандале! – Аркадий Вениаминович в сердцах хлопнул ладонью по столу. – Мне, думаешь, приятно сознавать, что доцент моей кафедры может угодить на скамью подсудимых?!

– Вроде бы за разглашение врачебной тайны ответственность гражданская, а не уголовная...

– Все равно неприятно! Какого черта ты точишь лясы с какими-то левыми тетками?! Зачем ты вообще ей что-то говорила?! Нельзя просто мимо пройти?! Ты же не только сама подставилась, но и всех нас подставила, запятнала репу-

тацию кафедры!..

Через десять минут они уже пили чай, заваренный секретаршей шефа Елизаветой. Двадцатипятилетняя голенастая и нескладная Елизавета по совместительству приходилась Аркадию Вениаминовичу племянницей. Она отзывалась только на полное имя и то и дело напоминала окружающим, что она не простой секретарь-референт, а секретарь-референт со знанием английского языка и дипломом МГУ.

К концу чаепития шеф окончательно отмяк душой и пообещал Анне хорошую характеристику для суда.

– Но ты не сиди сложа руки, – сказал он. – Попробуй нивелировать...

«Интересно как?» – подумала Анна.

– И прекрати ты, пожалуйста, курсантам на первом занятии экзамены устраивать. Сколько можно говорить!

– Одна приходила жаловаться или трое? – усмехнулась Анна.

– Одна, – Аркадий Вениаминович развел руки в стороны, показывая габариты жалобщицы. – Такая тетя Мотя поперек себя толще... И еще пожаловалась, что ты заведомо плохо настроена в отношении провинциальных врачей. Ну, чего ты улыбаешься, Вишневская? Другая бы на твоём месте плакала бы, а ты улыбаешься.

– Я умею плакать невидимыми миру слезами, – пошутила Анна и, взглянув на часы, сорвалась с места. – У меня же занятие, Аркадий Вениаминович, а я тут чай гоняю...

Штопаная душа

Дмитрий Григорьевич снял трубку сам. Тем лучше.

– Урология.

– Не вздумайте давать отбой! – не здороваясь, предупредила Анна. – Не вынуждайте меня на крайние меры...

Под «крайними мерами» подразумевался ее приезд в урологию сто пятьдесят четвертой больницы.

– Здравствуйте, Анна Андреевна. – Нехороший человек не удивился и не испугался, говорил обычным будничным тоном. – Чем обязан?

– Вы прекрасно знаете чем! Я звоню, чтобы...

– Поблагодарить меня за то, что я не стал подавать на вас в суд за оскорбление чести и достоинства, а ограничился...

– Чести и достоинства?! – От возмущения Анна чуть не выронила трубку (разговаривала она из своего кабинета по городской линии). – Это у вас – честь и достоинство?! Да кто это вам так польстил?!

– Я могу и передумать, – негромко, но с угрозой сказал Дмитрий Григорьевич. – Если у вас есть, что сказать по делу, – говорите, если нет – до свидания.

Я, как вам известно, в отделении работаю, а не на кафедре баклуши бью, мне время дорого.

– Ах по делу?.. – Мысль о том, что разговор может записываться (а что – от такого типа всего можно ожидать) удерживает

ла Анну от кое-каких слов и выражений. – Ладно, давайте по делу. Вы думаете, что сумеете выйти сухим из воды? Ошибаетесь! Я постараюсь сделать так, что вас не только в Москве, но и в Мухосранске каком-нибудь на работу не возьмут!

– Давайте без угроз? – спокойно попросил Дмитрий Григорьевич. – И потом, нет такого города – Мухосранск. У вас все, Анна Андреевна, а то мне к больным надо?

Непрошибаемая какая сволочь! Небось ждал этого разговора, готовился, укреплялся духом, репетировал разные варианты. А может, он просто такой мерзавец, что ничему не удивляется и ни на что не обижается? Думает, что ничем его не возьмешь? Посмотрим...

– Нет не все! Я хочу вам сказать... – «А что, собственно, я хочу ему сказать», – подумала Анна, – ...я хочу предупредить, что это вам просто так с рук не сойдет!

– Что именно?

Такое впечатление, что разговариваешь с автоответчиком. Ноль эмоций!

– Вся эта ваша затея! Она вам аукнется!

– Я ничего не затевал, Анна Андреевна. Я не оскорблял коллег при свидетелях, я не разглашал врачебных тайн при свидетелях, я не звоню никому с угрозами. Что мне должно аукнуться?

– Не делайте из меня дуру! Вы прекрасно понимаете...

«А зачем, я, вообще звоню? – вдруг подумала Анна. – Выплеснуть наболевшее? Что это даст?» Мотив для звонка был,

разумеется, скорее эмоциональным, нежели практическим, но и доля практического тоже присутствовала. Хотелось не только высказать Дмитрию Григорьевичу все, что она о нем думает, но и предупредить, что, давая объяснения где угодно, хоть в министерстве, хоть в суде, замалчивать его грехи она ни в коем случае не будет. Наоборот, выложит все, как есть. Наверяд ли Дмитрий Григорьевич заинтересован в привлечении внимания к своей особе со стороны департамента здравоохранения, министерства и, тем более, людей в погонах. Людям в погонах с таким «анамнезом» только на заметку попадись – очень скоро станешь фигурантом оперативной разработки, а от фигуранта до подсудимого рукой подать. Был шанс, что Дмитрий Григорьевич пойдет на попятный, небольшой, но был, а шансами, пусть и небольшими, пренебрегать не стоит. Интересно, с чего это Дмитрий Григорьевич такой спокойный? Тупой и не понимает? Или – крутой и не боится? Скорее всего, тупой, был бы крутым давно ушел бы в какое-нибудь место получше, а не сидел в не самой лучшей московской больнице. Хотя здесь мог крыться свой расчет, весьма прозаический – лучше быть первым парнем на деревне, чем последним в городе. Какой смысл уходить оттуда, где у тебя все схвачено?

Однокурсник Анны Гена Просвирников (одно время он даже кандидатом в женихи числился, правда, недолго – месяца два, потом переключился на более доступный объект) по окончании клинической ординатуры удивил всех.

Не остался в Институте хирургии, а уехал «на периферию», правда, не очень-то далеко – в одну из больниц ближнего Подмосковья. В «рядовых» врачах Просвирников проходил недолго – не прошло и двух лет, как его назначили заведующим отделением...

В тридцать лет Просвирников стал главным врачом ЦРБ, районным, так сказать, министром здравоохранения. В институте он так быстро бы не «взлетел», что да, то да. Глядишь, лет через десять при таких темпах областным здравоохранением рулить станет. Да нет, какие там десять? Лет через пять-шесть.

– Я прекрасно понимаю, что вы на меня сердитесь, – мягко перебил Дмитрий Григорьевич. – Но не я же виноват в случившемся. Я никого не оскорблял и ничего не разглашал.

Анна представила, как сидит он сейчас весь такой из себя самодовольный в ординаторской, лыбится, перемигивается с коллегами и наслаждается моментом, как кот, забавляющийся с мышкой. Обольщайся, противный, пока тебе обольщается, только смотри, как бы твоя мышка не оказалась бы скорпионом. Зодиакальный знак, как-никак, ведь родилась Анна шестнадцатого ноября.

Что ж – разговор не получился. Бывает, ничего страшного. Последнее слово за собой можно и не оставлять, это по большому счету ничего не значит, но так хотелось сказать Дмитрию Григорьевичу что-нибудь нехорошее...

– Вы – штопаная душа! – неожиданно вырвалось у Анны.

Так нехорошего человека вряд ли кто-то обзывал. Анна и сама не слышала никогда такого выражения. Оно родилось случайно, путем извлечения из длинной вертевшейся в уме нецензурной фразы двух цензурных слов. С переводом прилагательного из мужского рода в женский и изменением падежа существительного с винительного на именительный, чтобы слова сочетались гармонично.

Дмитрий Григорьевич помолчал несколько секунд, осмысливая услышанное (давать отбой Анна не стала, чтобы он ненароком не подумал, что сумел довести ее до истерики) и сказал:

– Это еще Довлатов писал, что в разговоре с женщиной есть один болезненный момент. Ты приводишь факты, доводы, аргументы, взываешь к логике и здравому смыслу, но неожиданно для себя обнаруживаешь, что ей противен сам звук твоего голоса.

– Мне противен не только звук вашего голоса, но и ваш вид, – подхватила Анна. – Мне противно сознавать, что кто-то может назвать нас словом «коллеги». Мне вообще противно. Очень надеюсь, что это наш последний разговор.

– Вряд ли, Анна Андреевна. Скорее всего, нам еще предстоит встречаться и не раз...

«В министерстве или в суде» Дмитрий Григорьевич уточнять не стал, и так ясно, что не в ночном клубе.

– Я постараюсь сделать так, чтобы вам запомнились эти встречи! – Анна сначала пообещала и только потом поняла,

что обещание звучит несколько двусмысленно, но сказанного не воротить. – У меня все.

Вот теперь можно дать отбой. «У меня все» и отбой – это, конечно, выглядит высокомерно, но в данной ситуации вполне уместно.

– Не сладился разговор, – пожаловалась Анна Однофамильцу.

Однофамилец по своему обыкновению ничего не ответил. Не Хогвартс, какой-нибудь, чтобы портреты разговаривали, а Российский государственный медицинский университет последипломного образования, сокращенно – РГМУ-ПО. «Эргэмупо – Лимпопо», как иногда шутят сотрудники. Зато Однофамилец был прекрасным слушателем. Смотрел строго, но в то же время приветливо, словно хотел сказать: «Отвлекаешь ты меня, Анька – от важных дел». Дела были важными по определению, у основоположников и корифеев неважных дел, наверное, не бывает. «Дедушка?» – узнавали или догадывались коллеги, впервые оказавшись в кабинете доцента Вишневской. «Однофамилец», – коротко отвечала Анна. Некоторые не верили, думали, что скромничает, а что тут скромничать. Был бы дедушка, так бы и говорила. Мало ли на белом свете Вишневских? В Польше эта фамилия вообще третья по распространенности.

Портрет Однофамильца Анне подарили на двадцатилетие однокурсники. Не исключено, что сперли с одной из хирургических кафедр, где еще в наше время найдешь такой ра-

ритет. Слегка потрескавшуюся деревянную раму Анна трогать не стала, хотя была мысль пройтись по ней морилкой, так и повесила. Сначала Однофамилец висел дома, над «художественным» рабочим столом, а когда Анна дослужилась до кабинета, переехал сюда, на кафедру клинической иммунологии и аллергологии.

Однажды случилось прикольное. Занесло Анну на консультацию в шестьдесят пятую больницу. Вообще – то ее туда частенько заносило, раза четыре в год как минимум, но в тот день все сложилось как-то непредсказуемо, неудобно и несуразно, в результате чего Анна явилась в отделение кардиологии около семи часов вечера. Лечащий врач уже ушел, заведующий отделением тоже ушел, а из-за каких-то сбоев в графике (кто-то на дежурство не вышел, что ли, – такой уж выдался день), отделение оставили под наблюдение врачу-терапевту приемного отделения. Прибежал улыбочивый ясноглазый доктор, по лицу видно, что добряк из безотказных, из таких, на которых все ездят, по возрасту – примерно Аннин ровесник. Представился Алексеем Ивановичем, а услышав «Очень приятно, доцент Вишневская, Анна Андреевна», просиял и выдал: «А я – Боткин». Шуточек насчет фамилии Анна не любила, а шапочно знакомым вообще не позволяла себя вышучивать, поэтому иронично приподняла левую бровь и уже совсем собралась сказать: «Хорошо, что не Склифософский!» (хотя, если вдуматься, то разницы никакой), но успела прочесть на бейджике коллеги его фа-

милию. Действительно – оказался Боткин. «Только Склифосовского нам не хватает», – пошутила Анна, довольная, что не успела сказать колкость.

– Но если он думает...

Однофамилец молчал, но молчал как требовалось – понимающе и сочувственно. С понимающим собеседником договаривать очень удобно, потому что можно обходиться без долгих объяснений. Можно не договаривать до конца, можно пропускать середину, как, например, сейчас.

– ...то обломается! Я его...

Больше всего хотелось залепить Дмитрию Григорьевичу увесистую оплеуху. От всей, как говорится, души, так, чтобы рука потом долго болела. Но это неинтеллигентно, к тому же чревато последствиями. Сколько там обещает Уголовный кодекс за оплеухи? Это легкое телесное повреждение или моральная травма средней тяжести? Нет, она не будет давать в руки негодяя лишней козырь, она его морально уничтожит. Ишь ты, еще Довлатова цитирует. Да Довлатов с таким мерзавцем в одном поле... Ладно, не надо отвлекаться, не на Довлатова этот хореk полоскучий клеветает, а на доцента Вишневскую. Ну так доцент Вишневская ему покажет! Так покажет, что мало не покажется!

Не откладывая в долгий ящик, Анна решила заняться поисками адвоката. Когда принесут повестку (или как там вызывают в суд?) искать адвоката будет уже поздно. Анна посмотрела на часы. Срочных дел нет, уходить домой ранова-

то. Всякий раз с началом учебного года Аркадий Вениаминович переживал очередной приступ ХДБ, то есть хронической дисциплинарной болезни и две-три недели отслеживал приходы и уходы подчиненных, требуя «отбывать» на кафедре положенное время до минуты. Потом приступ проходил, до следующего учебного года шеф успокаивался, а сотрудники возвращались в прежний режим «сделал дело – вали домой смело».

В очередной раз отругав себя за то, что до сих пор не удосужилась на всякий пожарный случай обзавестись своим адвокатом, Анна шевельнула мышкой, выводя компьютер из ждущего режима. Собирать информацию по знакомым не хотелось. Толка будет мало, каждый станет взмахивать того, кто ему симпатичен или того, кто с ним делится. Сарафанное радио работает или на симпатии, или на выгоде, а Анне нужен настоящий профессионал, настоящий волк от юриспруденции, съевший сотни собак, то есть – выигравший сотни процессов. Короче говоря – что-то вроде Мистера Вульфа из «Криминального чтива», человека, который решает любые проблемы. По нынешней жизни практикующему врачу без личного адвоката никак нельзя. Пациент нынче пошел грамотный, прекрасно знающий свои права и чужие обязанности. Это правильно, а как же иначе? Попадешь в руки такого афериста, как уролог Дмитрий Григорьевич, или такой дуры, как кардиолог Нателла Петровна, поневоле вспомнишь про права и обязанности. Вспомнив Нателлу

Петровну, Анна едва не застонала...

Кардиолог Нателла Петровна Хотькова была уникалом, своего рода достопримечательностью двадцать пятой больницы, незаслуженным наказанием заведующего кардиологическим отделением, вечной головной болью заместителя главного врача по медицинской части и камнем на шее главного врача. Подобно сказочному дурачку Хотькова отличалась завидным усердием при совершенно незавидном отсутствии ума. Только вот дурачкам к концу сказки положено умирать, а в реальности они, оправдывая народную мудрость «горбатого только могила исправит», так дураками и помирают. Нателла Петровна недавно вошла в «ягодный» женский сорокапятiletний возраст и даже самые отчаянные оптимисты, такие, например, как заведующий лабораторией Чечин, не надеялись на то, что доктор Хотькова поумнеет.

С медициной Нателла Петровна («Я – На-тел-ла, а не Наталья, прошу запомнить! И тем более не Наталия!») связала свою жизнь сразу же по окончании десятого класса (тогда еще учились десять лет, а не одиннадцать). Подала документы в медицинское училище (на институт сразу замахнуться не решилась), не поступила, получив двойку на первом же экзамене по биологии, отсанитарила год в приемном отделении, подала снова, только уже не на сестринское, а на фельдшерское отделение, чудом поступила (как «своей» – санитарка все-таки – пошли навстречу), окончила, устроилась на скорую помощь и почти сразу же ушла в декретный отпуск.

Рожала Нателла Петровна продуманно – через два года на третий, поэтому просидела дома пять лет с сохранением стажа. Забыла, конечно, все, чему ее учили, но, одновременно, осознала, что вожденное некогда фельдшерство ее уже не устраивает. Надо становиться врачом и только врачом!

Попытка поступить на лечебный факультет «с наскока» («Я уже десять лет в медицине!») не увенчалась успехом. Для поступления надо иметь соответствующие знания или, как утверждают злые языки, явно из числа не поступивших, соответствующие суммы денег. Ни того, ни другого у Нателлы Петровны не было. Совсем. Пьяница-муж ушел к другой женщине, «понятливой», с которой, по его выражению, «можно было выпить без головной боли», и Нателла Петровна тянула двоих детей на одну фельдшерскую зарплату. Ну – почти на две, потому что работала чуть ли не сутки через сутки, благо с детьми сидела ее мать, но все равно на жизнь хватало с трудом. Потратишься на одно, к примеру – на зимнюю одежду и обувь детям, так приходится экономить на другом – в который уже раз чинить свои зимние сапоги вместо того, чтобы купить новые. Такое житье можно сравнить с коротким одеялом. Ноги укрыты – так спине холодно, а, если натянуть на спину – ноги мерзнут.

Поступить в институт хотелось, даже очень. Другая бы на месте Нателлы Петровны сдалась, смирилась, осталась бы на всю жизнь в фельдшерах, но то другая... Энергии у Нателлы Петровны было хоть отбавляй, и настойчивости тоже. Да

и ум имелся, точнее не ум, а природная крестьянская смекалка. Нателла Петровна написала письмо министру здравоохранения. Мать-одиночка, двое детей, фельдшер со стажем, с молодых, можно сказать, ногтей в медицине, очень хочу быть врачом, помогите, пожалуйста! Терпеливо выждала месяц, но ответа так и не получила. Другая бы... впрочем, это уже было сказано. Нателла Петровна изменила жизненный режим. Теперь после дежурства она спешила не домой, чтобы отоспаться, а на Неглинную улицу, в министерство здравоохранения. Подобно воде, просачивающейся в любую щелочку, она проникала в высокие кабинеты, а то и перехватывала их обитателей в коридорах (можно сказать – в коридорах власти перехватывала) и хорошо поставленным голосом заводила свою скорбную песнь. Мать-одиночка, двое детей, фельдшер со стажем... и т. д. Дважды ее выводил из министерского здания наряд милиции. Оба раза заканчивались одинаково – тронутые слезами и горем, милиционеры довозили Нателлу Петровну до станции метро «Кузнецкий мост», где отпускали без составления протокола. Странно, но суровые, огрубевшие сердцами, милиционеры, оказывались более чуткими, нежели высокопоставленные министерские чиновники.

Но пробил час – и настал тот день благословенный, когда один из не самых главных заместителей министра дрогнул и сдался. То ли Нателла Петровна начала являться ему в страшных снах, то ли у него просто было настолько хорошее

настроение, что хотелось делать добрые дела, то ли в министерстве ждали каких-нибудь важных гостей и буйно-слезоточивая просительница была совсем некстати... Да в и мотивах ли дело? Главное, как известно, – результат. Большой человек записал данные Нателлы Петровны («Не секретутке своей поручил, а сам, лично, записал!»), дал ей глянцевогербовую визитную карточку и велел позвонить через неделю. Нателла Петровна, обезумев от радости, запечатлела на щеке замминистра мокрый поцелуй (вот уж, небось, было радости-то!) и ушла настолько окрыленная в своей радости, что, забыв о метро, пошла в родное Выхино (тогда еще район назывался Волгоградским, а станция метро – «Ждановской») пешком. К Таганской площади пришла в себя (дождик помог) и спустилась в метро. Дело было в апреле, а первого сентября сияющая Нателла Петровна, поступившая на вечернее отделение лечебного факультета, держала в руке свой студенческий билет, открывала, закрывала, даже нюхала его и млела, млела, млела от счастья. Кто долго шел к звездам, продираясь через тернии, тот поймет.

Учиться было легко, ибо опыт уже наработался. Институтские преподы оказались куда более податливыми, нежели министерские чины, к тому же Нателлу Петровну (не красавицу, но вполне симпатичную женщину) молва зачислила в любовницы того самого заместителя министра, поэтому ей охотно шли навстречу. Опять же – мать-одиночка, двое детей, параллельно с учебой дежурит на «Скорой помощи»...

Да и вообще к «вечерникам» относятся более либерально. До слез и мольб на зачетах дело никогда не доходило, довольно было завести песнь про жизненные трудности, как в ответ звучало: «Ну ладно, давайте зачетку». Когда со вздохом, когда – без.

Окончив институт, Нателла Петровна по инерции недолго поработала на «Скорой», но вскоре возжелала стать Настоящим Клиницистом и устроилась на работу в приемное отделение сто сороковой городской больницы (в другие, так сказать, «клинические» отделения ее не взяли). Через три месяца заведующий отделением предложил ей «уйти по-хорошему» и был послан по самому известному адресу. На следующий день то же самое предложила Нателле Петровне заместитель главного врача по медицинской части. Ее Нателла Петровна посылать не стала, просто выбежала из кабинета и ворвалась в другой кабинет, к главному врачу, где потребовала защиты и справедливости. Главный врач был понятлив (непонятливые люди главврачами не становятся), поэтому в ходе пятнадцатиминутных переговоров обе стороны пришли к взаимоприятному соглашению. Больница отправляла Нателлу Петровну переучиваться на кардиолога, а взамен Нателла Петровна обязалась уволиться по собственному желанию сразу же по окончании учебы. Залогом послужило написанное ею заявление без даты с просьбой об увольнении, которое главный врач спрятал в свой сейф на случай. Так в мире стало одним кардиологом больше. Кто-то из Рокфелле-

ров утверждал, что главное для успеха – это настойчивость, и, конечно же, был прав.

Во второе кардиологическое отделение двадцать пятой больницы Нателла Петровна перешла из такого же кардиологического отделения восьмидесят восьмой больницы, где несколько лет происходило ее становление клиницистом-кардиологом. Процесс шел не очень гладко, коллеги и администрация считали, что Нателле Петровне не хватает знаний в частности и ума вообще, а сама Нателла Петровна была уверена, что со знаниями и прочим у нее все в порядке, надо только клинического опыта поднабраться. Поднабравшись, она решила, что клиницисту не следует работать там, где происходило его становление, дабы былые огрехи не накладывались на нынешний авторитет, и устроилась в двадцать пятую больницу. Главврач восьмидесят восьмой, не чаявший избавиться от такого «чуда», дал Нателле Петровне столь лестную характеристику, что в двадцать пятой ее поначалу (в течение двух первых рабочих дней) прочили в заведующие отделением, вместо скоро уходящей на пенсию. Потом поняли, заценили все качества, в том числе и вздорно-скандальный характер вкупе с привычкой чуть что бить во все колокола и обращаться во все инстанции, да уже было поздно. Так и терпели – днем Хотькову бдительно контролировал заведующий отделением, а по дежурству – кто-то из других дежурных врачей. Анна испытывала к Нателле Петровне стойкую неприязнь, потому что вообще не лю-

била дураков, а особенно тех, кто имел гипертрофированное самомнение, Нателла Петровна платила Анне той же монетой, поскольку не любила вообще всех кафедральных сотрудников, выскочек и воображал. «Классовые» противоречия подчас обострялись во время совместных обходов (или сразу же после них), вызывая бурные дискуссии, из которых Анна неизменно выходила победительницей.

Примечательно, но на Нателлу Петровну никогда не жаловались ни пациенты, ни их родственники, не говоря уже о том, чтобы с ней судиться. Коллеги пожимали плечами, презрительно кривили губы и говорили: «Какой спрос может быть с дурака?».

Двадцать минут блужданий по сайтам юридических контор и отдельных юристов, обернулись двумя столбиками имен в блокноте. В первом, под буквой «О», то есть «опытные» стояло пять фамилий с адресами, во втором, под «Н», «начинающие» – две. Анна не раз видела, как во время клинических разборов или на обходах молодые, «свежеиспеченные», толковые врачи «утирали носы» своим опытным, излишне самонадеянным коллегам. Если такое имеет место быть среди врачей, то почему ему не быть среди юристов?

Мораторий

После посещения третьего по счету офиса начала вырисовываться система.

Маститые адвокаты имели офисы в центре Москвы, неподалеку от станций метро. Сдохнешь, пока доедешь, и хрен припаркуешься. На Пятницкой так пришлось в каком-то дворе машину оставить под недовольное жужжание местных старух.

Маститые адвокаты имели роскошные офисы и вышколенный персонал, но на кофе сэкономили не по детски. Дрянной кофе – это ужасно, но дрянной кофе в стильной фарфоровой чашке ужасен вдвойне.

Маститые адвокаты вели себя точно так же, как маститые профессора-врачи. Достоинство, бьющее из всех пор организма, ни слова в простоте, демонстрация своей великой занятости. И «грузили» клиента не хуже, разворачивая перед ним пугающие картины.

– Мне часто приходится сталкиваться с подобными обвинениями, и я понимаю, что обвинение в разглашении врачебной тайны может обернуться крахом карьеры...

– Мало что грозит врачу такими неприятными последствиями...

– Два свидетеля? Это очень плохо. Готовьтесь к худшему, но помните, что последствия могут быть разными. Может

быть очень плохо, а может – и не очень. Я, со своей стороны, приложу все усилия...

Маститые адвокаты оценивали (причем оценивали предварительно, с оговоркой, что окончательная сумма будет больше) свои услуги столь дорого, словно брались вытащить сухим из юридических вод серийного убийцу. И при этом добавляли, что сами они ужасно заняты, работают по двести часов в неделю (Анна умножала семь на двадцать четыре, но с уточнениями не лезла), поэтому делом Анны будет заниматься кто-то другой – ассистент или младший партнер. Разумеется – под неусыпным и неустанным контролем босса.

Честно говоря, чего-то вроде этого Анна и ожидала, поэтому и записала координаты парочки молодых адвокатов. «Юридического» опыта у нее пока еще не было, Бог милостив, но не первый день, все же, жила на свете, понимала что к чему.

В пробке на Волгоградке Анна подумала о том, что, будучи палатным врачом, она, как и многие ее коллеги, никогда не интересовалась документами, подтверждающими родство, при общении с людьми, представлявшимися родственниками пациентов. Всегда уточняла у больных, кому можно давать информацию об их состоянии, но этим дело и ограничивалось. А могла бы и налететь. Но вот парадокс – пока вела палаты, будучи ординатором, аспирантом и ассистентом кафедры, ничего подобного не случалось. Случилось сейчас, когда с родственниками пациентов практически перестала

общаться. Жизнь бьет неожиданно и совсем не с той стороны, откуда можно было бы ждать удара.

На втором году клинической ординатуры Анна Вишневская считала себя состоявшимся врачом и, честно говоря, считала не без оснований. Во время обходов в ее палатах заведующий отделением, тот еще придира и буквоед, кивал головой и со всем соглашался. Если говорил: «а не сделать ли нам...», то слышал в ответ: «Уже сделано, Александр Станиславович...». Профессор Гишпурин, человек буйного нрава и необузданных страстей, любивший в гневе рвать истории болезней в мелкие клочья, Анне благоволил и ставил в пример не только ординаторам, но и тем, кто ординатуру окончил давно. Насчет рвать истории в клочья, это не преувеличение, Гишпурина, человеку со связями, и не такое с рук сходило. Однажды в прямом смысле слова вышиб из палаты студента-пятикурсника, дерзнувшего переговорить с соседом во время профессорской речи. Подошел, взял за шкирку, отволол к двери, распахнул ее свободной рукой и дал коленом под зад. Потом закрыл дверь и продолжил обход в абсолютной тишине, которую принято называть звенящей. Обиженный студент ходил жаловаться в ректорат, но Гишпурина все было нипочем, как с гуся вода.

Так вот, считала себя Анна состоявшимся врачом и состоявшиеся врачи с ней считались, но подобная гармония противоречила всем известным и еще не открытым законам подлости. Подлость обернулась строгим выговором с занесени-

ем в личное дело, да, вдобавок, выговор был не «местный», а «городской» – за подписью самого руководителя департамента здравоохранения Цельшевского. Неплохо так огрести на втором году клинической ординатуры, да еще ни за что.

Все наказанные обычно считают, что их, таких хороших и красивых, наказали без достаточных оснований или вообще без оснований. У Анны был как раз тот случай, когда «вообще».

Привезла «Скорая» бабушку, тихую, маленькую, седую. Про таких еще говорят – божий одуванчик. Из дома привезла, в домашнем халате и тапочках. Родственники, то есть единственный сын-алкаш, бабушку не навещали. Анна покупала ей со своей небольшой ординаторской стипендии питьевую воду, чтобы не приходилось пить отдававшую ржавчиной водопроводную, соседки по палате делились передачами. В положенные сроки – на третий день после поступления, определились с бабушкиным диагнозом, который оказался онкологическим и собрались переводить «по профилю» – в городской онкодиспансер. Собрались да обломались – в суете сборов бабушка прихватила из дома предметы первой необходимости, а вот паспорт и полис обязательного медицинского страхования забыла. Ну по «Скорой»-то можно без полиса и без паспорта, а вот для перевода они нужны. Больная теребила звонками сына, тот обещал принести, да все не нес. Анна попыталась уговорить заведующего отделением из онкодиспансера принять больную без документов,

но тот отказался. Анна позвонила бабкиному сыну, высказала ему все, что о нем думает, и потребовала немедленно привезти документы матери в больницу. Сын поклялся, что завтра с утра «все будет», но так ничего и не привез. После работы Анна отправилась за документами сама. Караулила «объект» в подъезде у дверей квартиры до половины двенадцатого, перезнакомилась со всеми соседями (информации про бабушкины дела, кстати говоря, не разглашала, просто говорила, что прислали из больницы за документами), дождалась, высказала еще раз, пожестче прежнего, забрала документы и уехала довольная собой, ну, то есть своим героическим подвигом.

На утро выслушала похвалу от заведующего отделением, получила «добро» на перевод, вызвала перевозку, написала переводной эпикриз, пожелала больной всего хорошего (шансы определенные там были) и на этом сочла дело законченным. Но сказано же – «не обольщайтесь!». Спустя две недели Анну срочно вызвала к себе заместитель главного врача по медицинской части Тамара Семеновна, женщина, существовавшая отдельно от своего почти шестидесятилетнего возраста. Тамара Семеновна любила кислотные цвета, обильную яркую косметику (в тех объемах, когда ее уже называют не косметикой, а «штукатуркой») и обувь на высоченнейших каблуках. В медицине она разбиралась неплохо, характер имела спокойный, почти нордический.

На сей раз никакого нордического спокойствия не было и

в помине. На Анну сразу же обрушился поток эмоциональных, не слишком-то связанных между собой восклицаний, весь смысл которых сводился к тому, что произошло нечто ужасное. В понимании руководителей всех рангов «ужасное» начинается с перспективы лишения своего руководящего поста. Минут через пять Анна поняла, в чем дело, – кто-то в онкодиспансере, главный врач или его заместитель, возмутился «задержкой» с переводом бездокументной бабушки и наклеузничал в департамент здравоохранения. Из чистой незамутненной вредности или, может, были какие-то свои счеты с администрацией сто седьмой городской больницы, в которой Анна проходила ординатуру. Если уж начистоту – то совсем не тот был случай, чтобы прямо сразу и в департамент.

Анна за собой вины не чувствовала. На сына больной надеялась недолго, несколько дней, в истории болезни оставляла записи: «сыну пациентки передана просьба срочно привезти документы матери», в итоге съездила за паспортом и полисом сама, хоть и не было такого в ее должностных обязанностях. А если онкодиспансер так за больных радеет, то могли бы в порядке исключения и без документов принять. Так и Тамаре Семеновне объяснила, и главному врачу и какой-то шишке в департаменте здравоохранения. Итог ударил как обухом – строгий выговор с занесением. Кто из клинических ординаторов мог бы похвастаться чем-то подобным? Практически никто. Во-первых, большинство клинических

ординаторов подчиняются не департаменту, а министерству (это у Анны была целевая городская ординатура, от департамента), а, во-вторых, как-то не принято делать виновными тех, кто пока еще учится. Клиническая ординатура есть не что иное, как высшая форма профессиональной подготовки врачей-специалистов, основанная на принципе индивидуального обучения, вот как.

Сказать, что Анна расстроилась, это не сказать ничего. Главное – грызла обида. «Ни за что ни про что, полна жопы огурцов» так говорила в подобных случаях кузина Вероника, непутевая, но удачливая дочь родной сестры Анниной матери, тети Оли. Заведующий отделением утешал: «Ничего страшного – через месяц все про это забудут, через год – снимут выговор, и будешь ты чиста и невинна, Андреевна. А еще знай, что жизнь она такая, сбалансированная, сейчас ни за что получила по полной программе, а в другой раз за что-то ничего тебе не будет». Заведующему тоже дали выговор, как непосредственно отвечающему за все происходящее в отделении, но он уже был к этим подаркам судьбы привычный и, в отличие от Анны, не расстраивался.

Первый из двух молодых юристов, экономя на офисе, забился в какую-то запредельную дыру примерно посередине между Волгоградским и Рязанским проспектами. Завод, автосервис, гаражи, склады, автосервис, снова гаражи, три автосервиса подряд, и вот он – четырехэтажный офисный центр «Караганове Плаза». Плазе вообще-то полагается

быть торговой, но здесь кроме офисов ничего не было. Зато была огромная, с самым, что ни на есть оптимистичным прицелом на будущее, парковка и – совершенно пустая, если не считать двух автомобилей в дальнем углу.

И охранник в просторном псевдомраморном холле оказался не занудливым. Вместо обычного «вы к кому... Позвольте ваш паспорт... Возьмите пропуск и не забудьте отметить его на выходе», сказал, едва Анна успела войти:

– Адвокат Ушаков на втором этаже. Первая дверь.

– А как вы догадались, что мне нужен именно он? – удивилась Анна. – Или он у вас тут единственный арендатор?

– К нам все больше прорабы ездят, – ответил местный Шерлок. – У нас же одни стройматериалы. Если приезжает кто-то не похожий на прораба, значит – к Саше. Без вариантов.

Анне не очень понравилось, что адвоката запросто называет Сашей охранник. Что ни говори, а адвокатам не следует панибратствовать с окружающими. Надо держать марку, знамя своей профессии. «Будь проще – и к тебе потянутся люди» – это не про адвокатов. И не про врачей, и не про педагогов, и уж, тем более, не про тех, кто только начинает. Это корифеям можно иногда «быть проще», в эти моменты получают очень трогательные, поистине незабываемые, фотографии.

Лестница поражала воображение расставленными по углам огромными пластиковыми вазами с пластиковыми же

цветами.

– Ле жарден де Люксембург!⁵ – вслух «одобрила» Анна.

Сразу же вспомнилась одноименная песня Джо Дассена, не пропитанная лирической грустью, а прямо-таки вымоченная в ней. Прошел еще один день без любви, ля-ля, дождливый день ля-ля, жизнь без тебя мне не мила, успех это еще не самое главное... Сплошной декаданс, сопли-опли.

Анна тряхнула головой, прогоняя грустные мысли. Вот она, зашпонируванная под дуб дверь со скромной табличкой «Адвокат Александр Оскарович Ушаков». Табличка была скромна не только по содержанию, но и по исполнению – лист формата А4, приклеенный четырьмя полосочками тонкого скотча, одна из которых уже успела отклеиться и некрасиво топорщилась.

Анна открыла дверь только благодаря привычке доводить начатое до конца. Ясное дело – молодой, на старте, но уж пятьсот рублей на табличку наскрести по-любому можно. Театр начинается с вешалки, а контора – с вывески. Если провести аналогию с врачами, то можно сказать, что молодой врач может приезжать на работу на метро или на велосипеде, одеваться «с рынка», но вот халат у него просто обязан быть не только опрятным, но и не заношенным и руки ухоженными, без траурной каймы под ногтями. Хоть бы бумажку поаккуратнее на дверь наклеил, Александр Оскарович! Интересно, какая у него мебель?

⁵ Люксембургский сад – франц.

Мебель была обычной, икеевской. Стол, кресло, два шкафа, пять стульев. Больше ничего в маленькой комнатке и не поместилось бы. Щуплый, лопоухий, очкастый и местами прыщавый Александр Оскарович («мужчинка минус третьей категории», по классификации кухни Вероники) оказался явным неврастеником, потому что во время разговора постоянно вертел что-нибудь в руках. Если не вертел, то теребил, а то начинал разминать свои длинные, уставшие от постоянной работы, пальцы и делал это очень усердно, до хруста в суставах. Хрустели суставы звучно, казалось, что сейчас Александр Оскарович переломает себе все пальцы. Анну все это почти не напрягало, потому что ей было важно не то, что делал руками адвокат, а что он при этом говорил. А говорил Александр Оскарович дельно и совершенно не «грузил», то есть – не пугал. Даже наоборот – успокаивал.

– Давайте подумаем, какую выгоду могла извлечь для себя бывшая жена вашего пациента даже при условии получения исчерпывающей на тот момент информации... А какой ущерб пациенту могла она нанести, используя эту информацию... Диагноз еще не был установлен, я вас правильно понял, Анна Андреевна?

– Диагноз уточнялся. Предварительный уже был. Нельзя лежать в стационаре без диагноза.

– Да, конечно, – кивнул Александр Оскарович. – Без диагноза непонятно, в какое отделение класть и надо ли класть вообще. То есть – толком вы ничего разгласить не могли?

– Дело не в том, что я могла или не могла, а в том, что я ничего не разглашала! – немного раздраженно ответила Анна, утомленная долгой поездкой по юристам.

На часах было без двадцати семь, а начала она свой «вож» в два часа, бессовестно удрав с работы много раньше положенного.

– Врачебную тайну составляют... – Александр Оскарович сдернул с хрящеватого носа очки, завертел их, закрутил, а сам уставился в потолок, словно вспоминая. – Информация о факте обращения за медицинской помощью... Это вы уже не могли разгласить, опоздали. Информация о диагнозе заболевания... Эту информацию разглашать было рано, раз не было диагноза...

– Диагноз был, – поправила Анна. – я же уже говорила...

– Да-да, – спохватился невнимательный адвокат, не отводя взора от потолка. – Далее идет информация о состоянии здоровья гражданина, но это должна быть информация, а не короткие отговорки. Тем более что фразы типа: «все о'кей» или «все будет хорошо», трактовать как разглашение врачебной тайны... Нет, это абсурд. Ну и последнее – это прочие сведения, полученные при обследовании и лечении гражданина. Сюда на первый взгляд можно отнести все... Скажите, Анна Андреевна, а эта ваша собеседница была адекватна, вменяема? Вот вы, как врач, не могли заподозрить?

– Я не психиатр! Я – иммунолог, – свою специальность Анна тоже уже называла. – Но даже психиатр не смог бы по-

ставить диагноз, даже предварительный, на основании минутной беседы.

– Так, так, так... – Адвокат обернулся к Анне, нацепил очки, вытащил из стоявшего на столе органайзера ручку и начал забавляться с ней. – Знаете, я пытаюсь уловить смысл и суть и никак не могу это сделать. Вы уверены, что вас действительно хотят привлечь в качестве ответчика?

– Конечно же, нет! Но мне озвучили такую возможность!

– Раньше бандитами пугали, сейчас – судом. Ваше дело, если его можно назвать «делом», не стоит и выеденного яйца! Скорее всего, вас просто запугивают, действуют вам на нервы. Не исключено, что ваши противники могут оказывать давление на потенциального истца, он же их пациент. Но одного желания судиться мало, судья должен принять исковое заявление... А все то, что вы мне рассказали, это, извините, не повод, далеко не повод, совсем не повод. Для того чтобы потрепать нервы угрозами, эта история вполне годится, для суда – нет. Если, конечно... Вы меня простите великодушно, Анна Андреевна, но я должен это сказать. Если, конечно, все было именно так, как вы мне рассказали.

– Ну, может, какое-то словцо я забыла, но суть передала точно.

– Хорошо, это хорошо. Угроза подачи иска – это очень распространенный способ выбить из человека энную сумму денег. И довольно безопасный. Люди платят, чтобы их оставили в покое. Вы не исключаете, что вас хотят запугать, что-

бы вы раскошелились?

– Наверяд ли, – подобного варианта Анна и в мыслях не допускала. – Нервы потрепать, подавить, это – да, но вряд ли кто-то мог допустить, что я раскошелюсь.

– Жаль, – неожиданно огорчился Александр Оскарович. – Очень жаль.

– Почему?

– Потому что тогда бы мы могли бы обратиться в ОБЭП. Вымогательство доказывается элементарно.

Аудиозапись, видеозапись, изъятие в присутствии понятых... Там любят такие дела. Но если вам намекнут насчет денег...

– То я сразу же дам знать вам, – Анна достала из сумки кошелек. – Сколько я должна вам за консультацию, Александр Оскарович?

Александр Оскарович заслуживал платы. Он вникал, рассуждал, делал выводы, а не просто декларировал, что готов взяться за дело и называл стоимость своих услуг, как другие. О деньгах он вообще не заикнулся. Удивительный альтруизм.

– За такие консультации я денег не беру, – Александр Оскарович улыбнулся, демонстрируя щербатые зубы. – Вы же не берете денег за диагностику?

– Я как раз за диагностику и беру, – улыбнулась в ответ Анна. – Так сколько же?

– Нисколько. Я привел неудачный пример, у вас принци-

пиально иная диагностика. Вот если дело дойдет до суда или хотя бы до переговоров, тогда мы обсудим денежный вопрос. Могу сразу сказать, что мои услуги обойдутся вам недорого. По самому крупному счету не больше пятнадцати тысяч...

«Табличкой нормальной не обзавелся, а запрашивает больше других!» – подумала Анна, мысленно вычеркивая жадного адвоката из списка людей, с которыми можно иметь дело. Но, чисто из природной дотошности, уточнила:

– В евро или в долларах?

– Исключительно в рублях. Можно наличными, можно перевести на счет. Как вам удобнее. Пойдите... Анна Андреевна, вы что решили, что я вам сумму в баксах или евро назвал? То-то я смотрю у вас выражение лица изменилось. В рублях. За первое судебное заседание я беру пятнадцать тысяч рублей, сюда же входит и знакомство с делом, а за последующие – по семь. Но ваше дело, если оно, конечно, станет делом, «отсудится» за один раз, я уверен. Переговоры стоят дешевле. У меня в офисе – пять тысяч за встречу, с выездом – семь. Тут тоже долго рассусоливать не придется. Как только я упомяну о привлечении к ответственности за клевету, претензии сразу же сдуются... Можно узнать, почему вы улыбаетесь?

– Вы какой-то странный адвокат, Александр Оскарович, – сказала Анна, убирая кошелек обратно. – Вам, наоборот, надо внушать мне, что дело архисложное, дорогое...

– Так вы же в это не поверите, сразу же поймете, что вас

пытаются раскрутить.

– Знаете, до вас я посетила троих ваших коллег, и все они пытались внушить мне, насколько сильно я влипла.

– И в итоге вы приехали ко мне, Анна Андреевна, – не без удовлетворения констатировал адвокат. – Надеюсь, я сделал все для того, чтобы вы сейчас не поехали к пятому по счету...

– Я бы в любом случае не поехала бы, – Анна посмотрела в окно, а потом – на часы. – Уже поздно. Но вы единственный, кому удалось произвести на меня хорошее впечатление, что правда, то правда. Хотя ваша вывеска поначалу меня чуть не оттолкнула...

– Я понимаю, – закивал адвокат. – Вы ожидали увидеть нечто медное, тяжелое...

– Хотя бы пластиковое, – улыбнулась Анна, – но не бумажку...

– Эх, – Александр Оскарович вздохнул, словно собираясь с духом. – Так уж и быть, Анна Андреевна, открою вам тайну. Я нарочно не заказываю вывеску и не слишком обживаю свой офис, чтобы арендодатель не поднял мне плату. Здешний хозяин такой жучила – любит набавлять чуть ли не ежемесячно. Вот я и декларирую, что я здесь временно и могу съехать в любой момент. Снести в машину комп, принтер и папки – минутное дело.

– Помогает?

– Седьмой месяц здесь сижу, а плата пока ни разу не по-

вышлась. Могу представить, как арендодатель меня ненавидит...

– Вам знакомо выражение: «Oderint dummetuant»?

Анна не была уверена в том, что в юридических вузах изучают латынь, но не исключала такой возможности.

– Пусть ненавидят, лишь бы боялись, – тут же перевел Александр Оскарович. – Любимое изречение императора Калигулы, между прочим. Возьмите мою визитку и, как только получите повестку или вам позвонят, короче говоря – как только будут новости, сразу же сообщайте мне. А звонящих можете просто перенаправлять. «Свяжитесь с моим адвокатом!» – любимая фраза в Голливуде.

При чем тут Голливуд, Анна не поняла, но с удовольствием посмеялась вместе с Александром Оскаровичем, представив, как кто-нибудь из ее противников будет ожидать встречи с каким-нибудь важным Адвокатом с большой буквы, а нарвется на Оскарыча.

Почти всех симпатичных ей людей Анна про себя называла только по отчеству, да и то не по полному, а фамильярно сокращенному. Выходило по свойски, по-родственному.

Виноградово-Южное

Карточная игра под названием ломбер канула в Лету, оставив свое имя небольшому столу для игры в карты. Классический ломберный стол должен быть складным и прямоугольным. Анне достался овальный, колченогий и не складывающийся. Уму непостижимо, но такую драгоценность выкинули на помойку. Что называется – и ума не хватило, и рука поднялась. Хорошо еще, что не зашвырнули далеко в бункер, где его сразу же засыпало бы мусором, а оставили сбоку – берите, люди хорошие, пользуйтесь, нам не жалко. Все четыре гнутые ножки, хоть и шатались, хоть и имели разную длину (две как будто обкусили снизу), хоть и были ободраны, но были, были, имелись в наличии! Это ли не счастье? Самое настоящее.

В машину столик не влезал, ни боком, ни таким. Припарковаться возле подъезда и вернуться к помойке за находкой было рискованно – а ну кто уведет прямо из-под носа? Анна оставила машину у бункера (машину-то увести немного труднее) и потащила столик домой. Дома не утерпела – рассмотрела попристальнее и обрадовалась тому, что ножки легко и без ущерба можно было отделить от столешницы. Руки сладко зачесались в предвкушении работы.

Значит, не придется просить кого-то из знакомых обладателей вместительных автомобилей отвезти ценную находку.

ку на дачу и долго ждать okazji. Значит, уже в эти выходные можно будет заняться столиком вплотную. Знакомые, кроме того, что их надо просить, плохи своими шуточками. Пока везут какой-нибудь комодик до Виноградова, сто раз пошутят насчет того, что такой рухляди место только на свалке. Ага, на свалке... Это они просто не поднимались на второй этаж и не видели, что можно сделать из этой самой «рухляди». Но второй этаж был своим, интимным, не для всех. Сейчас, например, туда допускалась только двоюродная сестра Виктория. Виктории красота отреставрированной и расписанной мебели была недоступна. Все красивое и восхитительное в ее понимании должно было быть выставлено в уважаемых антикварных магазинах, желательно – лондонских («Только в Англии можно найти настоящую старину!») и иметь ценник с умопомрачительным количеством нолей. Тогда можно ходить вокруг, цокать языком, охать, ахать, восхищенно заламывать руки, а потом капризно топнуть ножкой и сказать своему мужу: «Гарусинский, если не можешь купить, то хотя бы сфотографируй нас вместе! Хоть какая-то память останется...». Реставрация – это хобби, давнее, душевное, в смысле – для души, но иногда так хочется, чтобы кто-то понимающий восхитился, оценил, похвалил. Можно было, конечно, завести себе блог и выкладывать туда фотографии, но такой вариант Анне не нравился – слишком уж он публичный. Похвастаться коллегам? Анна однажды принесла из дома маленькую шкатулочку, которую

собрала буквально из щепок и очень долго расписывала в стиле шинуазри, европейской стилизации под Китай. Шинуазри привлекало Анну своей вольностью, можно было экспериментировать, отступать от классических и очень строгих китайских канонов, идти на поводу у своего вдохновения, то есть, образно говоря, творить не в узких, а в широких рамках.

– Какая прелесть! – восхитилась Долгуновская, увидев шкатулку. – Обожаю такой жопанистический китч! С Измайловского вернисажа штука?

– Жопанистический? – машинально переспросила Анна.

– Ну да, под Японию. – Долгуновская удивленно посмотрела на Анну: «Доцент, а таких простых вещей не знаешь!».

Следующим, кто заметил шкатулку, был Виньков.

– И почему такие в Коптево? – спросил он.

– Почему в Коптево?

Этот район Москвы у Анны ассоциировался только со стадионом «Наука». Но оказалось, что там еще есть вьетнамский рынок.

Анна вполуха выслушала сравнительный анализ выгод и преимуществ различных московских рынков и, как только Виньков ушел, спрятала шкатулку в ящик стола, а вечером унесла домой. Ничего особенного, подумаешь – спросили не в тему несведущие люди, но неприятный осадок остался надолго. Как тут не вспомнить общеизвестное: «Не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его».

ногами своими»⁶.

Но когда-нибудь (ах, сколько хорошего тонет в этом стремном водовороте под названием «когда-нибудь»!) можно будет устроить выставку. Во всяком случае, Анна лелеяла эту мысль где-то в потаенных глубинах своей души. Для узкого круга. Не в какой-то там галерее, а прямо здесь, на даче. Совместить с шашлыками или барбекю, сделать такой веселый междусобойчик, гибрид пикника с вернисажем...

В Московской области есть два Виноградова, на севере и на юге. Недалеко от Долгопрудного и в Воскресенском районе. Виноград что там, что здесь растет, если посадить, но до нужной спелости не вызревает, остается мелким и зеленым. В Вологодской области, кстати, тоже есть свое Виноградово и тоже без винограда.

«Свое» Виноградово Анна, верная привычке к ясности и точности, называла Виноградовом-Южным. Дача у нее была наследственная, доставшаяся от деда-профессора, очень авторитетного специалиста в области термической обработки металлов. Дед работал в каком-то «почтовом ящике», то есть – засекреченном учреждении, у которого вместо адреса указывался только номер почтового ящика. Мать Анны выросла, встречаясь со своим отцом лишь изредка, по большим праздникам, потому что дед не неделями, а целыми месяцами пропадал на работе. Авралы, испытания, заседания... Дед жил послезавтрашним днем, оттого и умер рано

⁶ Матф. 7:6.

– в шестьдесят два года.

Дача по нынешним меркам скромная до убогости – деревянный двухэтажный дом на двенадцати сотках, когда-то, если верить рассказам матери, считалась о-го-го какой. Тогда большинству давали участки в шесть соток и не разрешали строить капитальных домов – только летние дощатые домики. Приходилось изворачиваться – ставили деревянный сруб, а поверху обшивали его досками. А тут – бревенчатый дом в два полноценных этажа, чердак, по которому можно разгуливать пригнувшись, и все радости жизни прямо в доме – водопровод, канализация, магистральный газ. Про электричество и упоминать нечего, электричество на всех дачных участках есть по определению...

Yuppa tuppa ta ta
Yuppa tuppa chic ta
Do thang, do thang
Do tuppa thang cho...⁷

Песня под названием «Делай это» как нельзя лучше подходила для монотонной кропотливой работы. Самое неинтересное – это очищать, удалять пыль, грязь, остатки лака и краски. Нет, не «самое», а единственно неинтересное. Все остальное так захватывает, что можно забыть не только про неприятности, но и про еду и сон.

⁷ The Doors, «Do it»

Rikki te tatar
Te teen tar
De dow dow
Ha, ha, ha, ha
Ha, ha, ha, ha...

Лучше всего, конечно, орудовать кисточкой, но не всякая грязь кисточке «по зубам», то есть – по щетине. В резных канавках на ножках и по краям столешницы засохла вековая, без преувеличения, грязь. Навскидку, не углубляясь в тему, скорее интуитивно, Анна отнесла столик к началу девятнадцатого века, но не исключено, что она ошиблась. Но, во всяком случае, уж сотню лет столик разменял – здесь не было никаких сомнений, и быть не могло.

Несмотря на холодную, промозглую погоду, Анна уселась работать на террасе, на свежем воздухе, рассудив, что лучше одеться потеплее и, время от времени согреваться горячим чаем, чем сидеть в мастерской в «наморднике», то есть – с респиратором. Жидкости-то приходится использовать одна душистей другой – ацетон, щавелевая кислота, нашатырный спирт. Вот крыть лаком – это только в помещении, чтобы пыль не садилась, тогда уж без респиратора не обойтись, а очищать все равно где.

Термос с чаем, в который по случаю «особых условий труда» был добавлен коньяк, стоял под рукой. По навесу мерно барабанил дождик, впереди было два свободных дня, сосе-

ди, любившие устраивать у себя на даче шумные сборища, в этот раз не приехали... Красота!

Анна работала, слушала «Доорз» и попутно развлекалась тем, что составляла в уме свою анкету. Составляла и комментировала.

«Анна Андреевна Вишневская, 32 года...»

Боже мой! Скоро – тридцать три, возраст Христа. Лермонтов прожил неполных двадцать семь лет, а успел стать классиком отечественной литературы... Наполеон в тридцать лет совершил государственный переворот и стал первым консулом Франции... Правда, кончили они оба плохо, что Наполеон, что Лермонтов. Лермонтову повезло больше – жил без особых забот и умер быстро. А Наполеон интриговал, правил, воевал, падал, взлетал, снова падал... И умирал долго, мучительно. Нет, если выбирать, то лучше уж как Лермонтов... Он, кстати, и по характеру близок Анне. Его считали вредным ехидным насмешником – и об Анне сложилось примерно такое же мнение, которое полностью укладывается в емкое слово «стерва». Да, доцент Вишневская – стерва. «Та еще стерва», – как говорят некоторые, с придыханием. Доцент Вишневская не комплексует по этому поводу, не стыдится. Более того – она этим гордится. Только аморфные бесхребетные создания нравятся всем или почти всем. Яркие успешные личности в первую очередь будят в окружающих зависть... Если мир несовершенен, то как может быть совершенством доцент Вишневская? Впрочем, у шефа сло-

во «стерва» однажды прозвучало как комплимент. «Ты стерва, но не сука, – сказал он после случая с Цегенько. – За то и терплю». В этом он весь, Аркадий Вениаминович, вроде обос. т, а в то же время похвалит. Дипломат Дипломатович, мастер кнута и пряника...

«Образование – самое, что ни на есть высшее...». «Я настолько умна, что учу других за деньги», – иногда шутила Анна. То, что она шутит, понимали далеко не все.

«Семейное положение – одинокая, незамужняя...» Можно сразу продолжить: «независимая, не страдаю». Был у Анны «в анамнезе», как выражаются врачи, мимолетный неудачный брак. Впрочем, слово «неудачный» можно выбросить, если вспомнить второе значение слово «брак». Недаром умные люди утверждают, что хорошую вещь «браком» не назовут.

Получилось по древней студенческой поговорке: «Сдал сопромат – можешь жениться». Только вот Анна уже не была студенткой и не сопромат она сдала (да и что представляет собой тот сопромат по сравнению с нормальной анатомией?), а защитила кандидатскую диссертацию. Тут-то ей в голову и ударило. Захотелось любви, обожания, понимания... Длинный, в общем-то, список, незачем оглашать его целиком. И подвернулся под руку (под руку всегда подворачивается не то, что нужно) Сеньор Офицер, перспективный банковский деятель, руководитель офиса «Вельштайзенбанка» на Якиманке. Прозвище он получил от английского назва-

ния своей должности – «Senior officer». Очень импозантно, хочешь – как «руководитель офиса» понимай, хочешь – как «старший офицер». Мон женераль, ха-ха...

Сеньор Офицер был неплохим человеком и, кажется, любил Анну. «Брак двух круглых сирот просто обречен на счастье, – говорила двоюродная сестра Вероника. – У тебя нет свекрови, у твоего мужа – тещи. Некому разрушать ваше счастье и пить вашу кровь». У самой Вероники тоже не было свекрови, но ее муж, если верить рассказам,пил Вероникину кровь в три горла – за себя и за покойных родителей.

Анне тоже казалось, что она любит, но через полгода она поняла, что ошибалась. Не стала рубить сплеча, три месяца прислушивалась к себе, а вдруг как шелохнется в душе что-то, вдруг отзовется, но не шелохнулось и не отозвалось. Пришлось объявить мужу о том, что она считает их брак ошибкой и что им лучше расстаться. К объяснению готовилась неделю, предвкушала очень тяжелый разговор, даже запаслась седативными препаратами, но вышло как в плохой итальянской комедии. Услышав горестную весть, Сеньор Офицер и глазом не моргнул и вопроса не задал. Допил свой чай и пошел собирать вещи (жили они у Анны, а его трешку на Кропоткинской очень выгодно сдавали). Анна очень удивилась, но решила подождать. Дождалась – минут через сорок Сеньор Офицер появился на кухне, сообщил, что сборы закончены и предложил «трахнуться напоследок». Вот тут-то Анна поняла, что зря выжидала три месяца, да и вообще зря

выходила замуж. Сеньор Офицер уже уехал, а она все сидела и смеялась. Отдышится – и давай по новой. Если уж истерить, то – смеясь, а не плача.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.